

ПРОЛОГ

Ночь стояла такая звездная, что даже без фонарей поселок был бы виден как на ладони. Любой, кто выглянет из дома, может рассмотреть все происходящее на улице, и включать свет на крыльце ему не понадобится. Только это не помешало решению Тома: она выкрала из гаража канистру солярки и теперь, пригибаясь под окнами, следовала к соседнему дому. В ней было столько злости и ненависти, что даже землетрясение не могло заставить изменить планы.

А планы были грандиозны, и сердце грохотало в груди от предвкушения мести.

Те, кто жили там, убили отца Тома. Такого она никогда не сможет простить. Отплатит ровно тем же, и неважно, чего это будет стоить.

Мать давно спала дома — завтра они должны были уехать из поселка и забыть обо всем случившемся. В том числе и об отце. Тома совсем недавно была бы рада о нем забыть, видя мамины слезы после каждой попойки. Но это не значит простить его убийство. Забыть об этой чертовой семейке, убивающей всех мужчин, что появлялись у них дома.

Тома не понимала, зачем отец ходит к ним. Зачем помогает. У него было доброе сердце, несмотря на пропитую печень, и вот чем этот ведьминский подряд ему отплатил.

Хотя, возможно, дело было не в доброте. В школе шептались, что их младшая, Настенька, его дочь. Она и сама заявила это перед всеми. Но Тома не верила. Будь так, мать бы точно от него ушла. Ведь ушла бы?..

Эта недоразвитая Настенька просто хотела, чтобы ее воспринимали как нормальную. А она ненормальная, как и вся ее семья! И Елена Федоровна, такая невинная овечка, и ведьма Ирина, что уже не первый год не выходит из дома, тоже! И раз они забрали жизнь отца, Тома заберет их.

Калитка была незаперта — в поселке их закрывали на петлю из проволоки, просто чтобы лесные зверьки не заходили, хотя те же зайцы и лисы могли подкопать, поэтому смысл такой защиты для Тома терялся. Зато любой человек мог поднять этот незамысловатый засов и проникнуть внутрь, что было очень кстати этой ночью.

Моськи во дворе не оказалось — из-за сильного мороза собачку, скорее всего, забрали в дом. Тома не чувствовала холода и даже не запахла шубейку, собираясь ночью к соседям. Ее грел гнев, абсолютно оправданный и даже праведный, как грели мысли о том, что она собиралась сделать.

Крыльцо и тропинка вокруг дома были очищены от снега. В щели между досками оказался набит снег, и Тома сомневалась, что они хорошо загорятся — понадобится немало солярки, чтобы перекрыть тварям путь к отступлению. Благо у нее есть целых пять литров, даже на забор хватит.

Прежде чем открутить крышку, Тома заглянула в каждое окно, надеясь увидеть лишь темноту спящих комнат. Но в одном из них, смотрящем на тайгу, продолжал гореть приглушенный свет. Он был похож на пламя свечи и не мог разогнать мрак даже от ближайших предметов — виднелся только медленно тающий воск. В поселке бывали перебои со светом, поэтому у всех в домах стояли печи, необходимый запас дров и восковые свечи в банках с солью, а рядом коробок спичек. Даже у мамы Тома в каждой комнате

было по несколько штук таких самодельных светильников, чтобы в случае отключения электричества оказалось достаточно протянуть руку, поджечь спичку — и полная тьма рассеется.

Наверняка ведьма Ирина не спит, все проклятия шепчет и порчи насылает на неудобных. Ничего, недолго ей, ведьме, осталось.

Разум все же посетил голову Тома, и, чтобы не привлечь лишнего внимания, она шла вдоль дома, плеская на стены солярку и пригибаясь под окнами. Если кто-то из семейки выйдет слишком рано, ничего не получится.

Маслянистый запах с примесью нефти ударил в нос, перебивая собой все ароматы таежного леса. Ничего больше не было — ни хвои, ни освежающего мороза, ни древесины — только солярка, которая совсем скоро уничтожит все, что здесь есть.

Все, что принесло горе в семью Тома.

Когда она добралась до конца, в пятилитровке еще что-то булькало. Тогда Тома еще раз щедро залила крыльцо и подоконники, так что от белой краски не осталось и следа, чтобы ни у кого не возникло мысли бежать через них.

Отбросив бутылку от себя, Тома достала коробок и привычным движением вытащила спичку. Весь двор пропах горючим, и голова начинала кружиться, а дом — двоиться перед глазами. Но Тома быстро задышала, пытаясь прийти в себя, и чиркнула спичкой по краю короба, но та не зажглась. Она пробовала еще раз, и еще, но ничего не вышло. Тогда перешла к следующей спичке, но и эта попытка осталась безуспешной.

— Чертовы деревяшки... — зашипела Тома, едва сдерживаясь, чтобы не отшвырнуть коробок в ближайший сугроб.

Они и так отсырели, а если Тома еще и намочит их, шансов не останется.

Она доставала по одной спичке и пыталась поджечь каждую, пока сера не стиралась до деревянной основы. Вокруг выросло целое кладбище, пока удалось найти ту, что дала искру и зажглась, медленно съедаемая пламенем. Тома уже протянула руку, чтобы поджечь солярку, когда в ближайшем окне заметила силуэт.

Это Настенька забралась на подоконник в одной сорочке, с растрепавшейся косой и плюшевым медведем в обнимку. Ее светлые глаза, наполненные слезами, глядели на Тому с неподдельным страхом. А вдоль лица, шеи и груди шли четыре глубокие раны, из которых непрерывно лилась кровь, окрашивая белую ткань.

Тома застыла, замороженная этим зрелищем. Темная и густая, как только что вылитая ею солярка, кровь сочилась из порезов, медленно стекая вниз, проявляясь на сорочке пятнами. Спички забылись, как и грандиозный план отмщения — только мысль, что нужно вызвать фельдшера, пульсировала в висках, однако Тома не могла сдвинуться с места.

Настенька выглядела как призрак. Неупокоенная душа, которая бродит и ищет того, кто забрал у нее жизнь — именно такими Тома представляла их, читая книги из сельской библиотеки. И если исключить кровоточащие раны, то Панночка у Гоголя выглядела именно так.

А кровь продолжала уходить.

Тома не могла оторвать от нее взгляда. Пламя добралось до кончиков пальцев, и она вскрикнула, отбрасывая спичку в сугроб. Та мгновенно потухла, как последняя надежда на исполнение плана.

Спичек не осталось. А окровавленная Настенька продолжала следить за каждым движением Тома из окна.

— Будьте вы прокляты, — выплюнула Тома, теряя к ней любое сочувствие и сверля взглядом. — Будьте вы все прокляты!

Ее трясло, но не от холода, а от распирающей изнутри злости. И беспомощности. Пока Тома будет бегать за другим коробком, Настенька перебудит весь дом. Настенька... Так называл ее отец, в то время как Тому просто:

— Тамарка!

Как зовут торговку пивом. Немного растянуто, с явным пренебрежением и указкой. Тома ненавидела свое имя именно из-за того, как его произносил пьяный отец, в то время как мамино «Томочка» могла слушать бесконечно.

Может, и к лучшему, что они теперь вдвоем. Но это не значит, что Тома простит этой семье все произошедшее.

Мама, мягкая и сердцем, и характером, способна была только уехать, сбежать от проблем и горя. Сменить дом, край, всех знакомых — так ей легче, чем встретиться лицом к лицу с проблемой. А вот Тома в отца. Если ее что-то не устраивает, она берет тяжелое, острое или горючее и идет разбираться.

Настенька, продолжая это время стоять и смотреть на гостью через стекло, вдруг шагнула назад, исчезая в темноте комнаты. Тома заметалась, бегая взглядом по окнам, надеясь снова ее поймать, и ощущая, как во рту пересыхает от волнения.

Спичек нет, так что нужно уходить, пока никто не засек — мать, конечно, заметит пропажу солярки, но будет не в том состоянии, чтобы устраивать скандал. Горючее можно было продать и выручить немного денег, хотя они все равно не спасут их на новом месте. Не стоит жалеть каких-то пяти литров.

Тома уже развернулась, чтобы ни с чем вернуться домой, как за спиной послышался скрип. Так медленно открывалась дверь, являя на пропитанном соляркой крыльце Настеньку. Раны чудесным образом зажили, и хотя Тома была уверена, что не ошиблась, приняв тени за кровь. Порезы точно были. Она даже протерла глаза, думая, что сле-

пящий фонарь над головой не дает разглядеть их, но Настенька была абсолютно здорова.

— Иди домой, пока ноги не отморозила, — сквозь зубы прошипела Тома и уверенно направилась к калитке.

Но тонкий голосок, едва различимый в порыве ветра, заставил обернуться.

— Папа по тебе скучает.

Она сжала кулаки и медленно задышала, пытаясь успокоиться. Гнев поднимался жаром в жилах, и хотя Настенька теперь выглядела здоровой, Тома сомневалась, что так и останется.

Усмирить новый приступ не вышло — она подскочила к крыльцу, хватая девчонку за плечи, и с силой затрясла, яростно шепча:

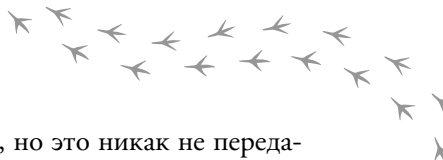
— Папа уже ни по кому не скучает, потому что он мертв. Знаешь, что такое мертв? Его загрызли лесные звери на зимовье, на которое он не должен был идти, да твоя мать надоумила, чтобы ее сами волки разодрали. И не твой это папа, а мой. Твой папа сбежал, едва узнал, что у него родилась такая, как ты!

Тома рассчитывала, что слова вызовут у Настеньки слезы или хотя бы обиду в стеклянном взгляде. Но девочка продолжала стоять с тем же непроницаемым лицом, глядя на Тома широко распахнутыми глазами с почти белой радужкой.

— Папа не умер, — нарочито медленно произнесла она, будто едва управляла собственным языком. — Папа жив. Он в лесу. И очень по тебе скучает.

— В каком, к черту, лесу? Его загрызли, иначе бы он вернулся домой! — прикрикнула на нее Тома.

Глаза начинало жечь от горячих слез. Обида, которую она хотела вызвать в Настеньке, захлестывала ее саму с головой, и дышать становилось все тяжелее. Руки крепко сжимали плечи девочки, так что прощупывалась каждая

косточка под кожей. Тому трясло, но это никак не передавалось Настеньке — казалось, теперь она даже улыбалась глазами, прижимая к себе медведя.

Наверняка самодельного. В поселке были проблемы со снабжением, а детские игрушки и вовсе можно было купить только в крупных городах — столице республики, например. Томе отец привез кукол и большого белого зайца именно оттуда. А медведь, которого она видела, был сшит из настоящего бурого меха, с глазами-бусинами и пришитыми лапами по типу человеческого тела. У охотников такие игрушки не редкость.

Должно быть, отец Тома и сделал. Кому еще пришлось бы в голову пустить настоящий мех на игрушку? А к семье Елены Федоровны у него всегда было особое отношение. Даже слишком особое, так что даже собственная оставалась на втором месте.

Когда взгляд вернулся к Настеньке, она вдруг дернула плечами, сбрасывая объятия, и со всей силы впечаталась в Тома, оплетая ее шею сухими ручками. Та замерла, не совсем понимая, что происходит, в то время как холодное, как кусок льда, тело продолжало прижиматься к ней со всей силы.

Тома запрокинула голову, замечая движение рядом с трубой. Дым вдруг стал приобретать человеческие очертания и полностью отделился от нее. Существо с длинными ногами и руками, свисающими почти до пят, было в полтора раза выше самого дома. В дымном теле виднелся светящийся скелет, но никаких черт лица не угадывалось — у существа было абсолютно плоское лицо, как разделочная доска, и только два светящихся глаза скользили по двору.

Оно перемещалось медленно, едва двигая конечностями, но от его движений все внутри холодело от ужаса. Тома застыла, позволяя Настеньке висеть на себе, но не могла

оторвать взгляда. Все мышцы напряглись, и, чувствуя это, Настенька отстранилась, оборачиваясь.

Существо медленно подняло руку, и вместо человеческой ладони на ней оказалась культия с отростком на месте большого пальца. Но это не помешало ею щелкнуть, а следом на них обрушилась волна.

Крыльцо и стены по периметру вспыхнули, поднимая пламя выше окон. Сначала Томе показалось, что его языки облизывали дом, оставляя темные следы и съедая краску на подоконниках почти мгновенно. Когда она, наконец, отмерла, стало понятно, что нечто сделало работу за нее — теперь никто не сможет вырваться из этой крепости.

А в следующую секунду огонь стал стремительно приближаться.

Тоня не успела ничего сделать — пламя взмыло ввысь, окружая ее со всех сторон. Прежде чем она потеряла двор из виду, стало понятно, что дом полностью цел и вокруг нет даже искры.

Задыхаясь от недостатка кислорода, Тома могла лишь ждать, пока кольцо сомкнется и от нее останется лишь пепел. Сквозь треск огня она едва сумела расслышать, как Настенька воскликнула:

— Не надо! Пожалуйста!

Огонь стих в тот же миг. Просто растаял, как снег под весенним солнцем, и на доме остались лишь следы гари. С губ само собой сорвалось:

— Что, черт возьми...

Настенька обернулась к ней с улыбкой.

— Это мой папа. Мой настоящий папа.

ГЛАВА 1. НЕ ТАК ХОЛОДНО, КАК КАЖЕТСЯ

За окном ничего не было видно.

Небольшой поселок заволокла тьма, а стекло залепило снегом из-за ночной вьюги. На столе остывала утренняя пшеничная каша. Мама стояла у плиты, собирая обед отцу: ему впервые предстояло выйти на новую работу — рыбо-завод, градообразующее предприятие поселка, потерянного в этом бесконечном обледенении среди тайги.

Вместо улицы в пластиковой раме Варя видела лишь свое опухшее лицо, а в голове звучали недавние слова матери:

— Там не так холодно, как может показаться, — успокаивала она, когда за одним из поздних ужинов три месяца назад заявила о скором переезде. — Зимой всего до минус сорока пяти! В моем детстве при такой температуре все собирались во дворах и целыми днями катались с горок.

— Ты выросла на севере, — резонно напомнил отец, отпивая крепкого чая, пакетик из которого никогда не вылавливал. — А наши дети — на теплом и влажном Черноморском побережье.

Мать тогда смерила его уничтожающим взглядом, будто он предал их общую цель. На деле отец уже нашел работу там, куда им предстояло отправиться.

Виновником переезда был брат Вари, который этим февральским утром сидел напротив с нетронутой тарелкой каши и толкал сестру, чтобы вернуть в реальность.

Его большие глаза взирали на Варю с такой искренней мольбой, что долго сопротивляться она не смогла: подвинула свою порцию, чтобы брат свалил пшеничную массу поверх и счастливый побежал к матери с криком:

— Мам! А я все съел, мам! Можно мне бутерброд?

Мама вздрогнула, когда тот подбежал и дернул ее за фартук, потрясла головой, возвращаясь, и устало улыбнулась:

— Да, конечно. Варь, сделай Славе бутерброд! И сама не засиживайся, что ты эту кашу гипнотизируешь?

В последние годы она все чаще уходила глубоко в себя, и эти периоды только увеличивались. Семья могла собраться перед телевизором, пойти в океанариум или к морю, но каждый раз, как только к матери не обращались ровно минуту, она проваливалась глубоко в лабиринты собственных размышлений, из которых ей все сложнее было выбираться.

Варя видела это. Видела, как ее яркие янтарные глаза, которые достались Славе, потускнели. Кожа стала бледной, под глазами залегли морщины. Она сильно похудела, хотя, судя по фотографиям, модельными параметрами никогда не обладала. Варя видела, как она угасает. Это Слава сжирал все живое, что в ней было, и продолжал это делать по сей день.

Страшные диагнозы звучали из уст врачей. Со дня своего рождения и все эти семь лет Слава жил, и каждое утро мать благодарила Бога, что оно наступило.

Варя отлично это видела — разница в тринадцать лет позволила запомнить все. Больницы, стационары, реабилитации, полеты в Москву и даже видео для фонда, которое

она лично снимала на камеру друга. Но ничего из этого не возымело результатов.

«В его случае живут до двенадцати лет максимум» — таким был приговор для Славы. Для всей их семьи. Потому что если брат умрет, от их семьи ни черта не останется. Это Варя поняла еще в пятнадцать, когда на выпускной пошла в одиночестве: мать была в больнице со Славой, а отец взял дополнительную работу. А удостоверилась, когда ее сорвали с середины третьего курса, чтобы уехать за девять тысяч километров, и почти не оставили времени на то, чтобы все уладить.

Потому что все, что могло помочь Славе, это смена климата — только холод, сосны и полярная ночь.

У Вари это утверждение каждый раз вызывало истеричный смех.

— Ты не понимаешь, — едва не плача шептала мать, когда Слава уже спал, а Варя встала выпить воды и проходила мимо родительской спальни. — Я лично наблюдала, как девочка просто не дожидаясь до операции на сердце, и все, что могли сделать врачи, это посоветовать сменить климат! И она смогла, смогла дотянуть до операции и прожила многие годы!

— Я понимаю, — спокойно отвечал отец. — Но то были семидесятые годы, тогда медицина была совершенно на другом уровне. И история твоей подруги скорее чудо, чем закономерность.

— И я не смогу жить, если не попробую снова обратиться к этому чуду, — твердо заявила она тогда.

Но у Вари были смутные сомнения, что дело в подруге. В конце концов, мама никогда не рассказывала эту историю с чудо-исцелением, будто придумала ее, лишь чтобы убедить семью уехать. Врачи Славы и вовсе настаивали на переходящих друг в друга реабилитациях, в то время как поселок, куда они направлялись, едва ли насчитывал одну поликлинику. Они буквально ехали туда, где в случае обо-

стрения помогут разве что молитвы — даже врачи пока долетят на вертолете, помощь уже не понадобится.

И все же мама настаивала. Хотя Варя видела, что отец особым желанием не пылает, как и она сама, если не сказать считает это чем-то на грани сумасшествия. Но мама так отчаянно уговаривала их, и плача, и ругаясь, и едва ли не на коленях прося довериться, что они не смогли ей отказать.

Поэтому Карасевы собрали вещи, продали дом, чтобы приехать в маленький поселок, спрятанный в снегах и таежных лесах.

Пока Слава был занят хлебом с колбасой, Варя снова обратилась к окну. Потеряв любую надежду позавтракать, она снова обратилась к окну и просто ждала, когда матери понадобится что-нибудь на втором этаже и появится возможность незаметно избавиться от застывшей каши.

Раздался скрежет — ветки ближайшего дерева пятерней прошлись по стеклу. Это было так неожиданно, что Слава закашлялся, и Варе пришлось легко стукнуть брата по спине.

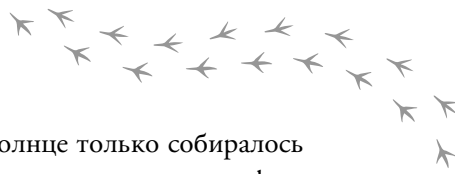
— Не торопись, жуй подольше.

— Ты видела? — восторженно спросил он, прокашливаясь и снова откусывая большой кусок, чтобы продолжить с набитым ртом: — Видела, там, в окне?

Варя покачала головой. Она видела только себя, Славу, их небольшую кухню с маминым цветастым фартуком на ближайшем стуле и полную безнадежность зимнего утра перед школой. Хотя и не ей нужно было идти на учебу, настроение это мало меняло.

— А что там?

Слава сначала открыл рот, набирая больше воздуха, но вдруг передумал и стал отрицательно качать головой. Варя нахмурилась и попыталась прислониться к окну, но так ничего и не заметила.

Время близилось к восьми, а солнце только собиралось показаться из-за горизонта. Хотя за окном стоял уже февраль, пробуждение большинства жителей приходилось на темноту. Когда будильник звонил до рассвета, Варя ощущала себя так, будто ее растолкали посреди ночи и заявили, что утро уже началось, хотя тело и мозг это усиленно отрицали.

Для нее никогда не было проблемой не спать почти до рассвета, но то южная ночь, приветливая и спокойная. Ночи же северные заставляли Варю тревожиться. И мерзнуть. Почти постоянно мерзнуть.

Слава тем временем дожеввал, вытер рот рукавом и спустился со стула, направляясь в комнату. Ему сегодня предстояло впервые посетить новую школу. Проводив его взглядом, Варя наткнулась на фигуру матери, застывшую в недовольной позе с руками на поясе.

— Давай, горемыка, — покачала она головой, забирая тарелку с кашей и отворачиваясь. Варя уже решила, что может идти, но та задержала ее упреком: — Ты когда начнешь учиться, работать? Или так и продолжишь до ночи в интернете сидеть?

— Мам...

— Я, кажется, задала вполне ясный вопрос.

Кухня погрузилась в гнетущую тишину, нарушаемую лишь звоном посуды в раковине. Когда мама злилась, она всегда начинала мыть, переставлять тарелки или накладывать еду, поэтому неприятный для ушей звук керамики о керамику всегда пробуждал в груди беспокойство и чувство надвигающегося скандала. Объяснить что-либо Варя уже не надеялась, но все же по привычке начала:

— Я учусь, просто на дистанционке, мы ведь это обсуждали. А ее ведут после основных занятий. Из-за разницы во времени с универом пары длятся иногда до двух ночи. Я не просто сижу, я...

Но мать было не сбить с намеченного разговора.

— Ты совершенно не выходишь из дома. Мы здесь уже три недели, за это время можно было найти подработку. Тебе уже двадцать, неужели ты думаешь, что...

Она говорила с небольшим раздражением, будто ожидая, что Варя зацепится за любое из сказанных слов и возможно будет устроить скандал.

— Слава сегодня вышел в школу, — перебила она мать, поднимаясь из-за стола и скрещивая руки на груди в оборонительном жесте. — Мне нужно водить его и забирать, делать уроки, а потом садиться за собственные лекции. Я и так ложусь в начале третьего, а встаю в семь утра, чтобы все успеть. Мне придется бросать учебу, чтобы...

— Тебе что, так тяжело помочь нам? — с кипящей в глазах обидой воскликнула мать так громко, что Варя вздрогнула, и отбросила от себя посуду, судя по звуку, едва ее не разбив. — Неужели мы с Лешей не заслуживаем хоть какой-то благодарности?

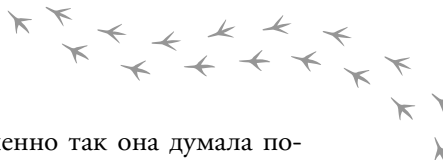
— Опять вы ругаетесь... — Отец появился на пороге с тяжелым вздохом: нервы матери все чаще сдавали, и дочь все время попадала под горячую руку. — Тома, мы...

— Она, такая неблагодарная, упрекает меня, что один раз отвела брата в школу, ты представляешь? Если бы я упрекала тебя за каждую копейку, за каждый потраченный на тебя час моей жизни...

Одни и те же аргументы, одни и те же упреки. Вот уже семь лет подряд ничего не меняется, и не только нервы матери уже на исходе. Силы иссякли, и Варя тоже сорвалась на крик:

— Это ты все время так делаешь! А я, может быть, ишла бы подработку, если бы не воспитывала твоего больного сына, пока ты непонятно где!

Мать открыла рот, судорожно глотая воздух, чтобы хоть как-то справиться с потрясением. Варя пожалела о сказан-

ном сразу, как договорила, но именно так она думала последние годы. И если матери казалась, что она одна кладет себя на алтарь болезни Славы, то она глубоко ошибалась.

— Да я... да я все пороги оббила, чтобы добыть направления на обследования! Чтобы они там хоть немного зашевелились! Или, по-твоему, я должна сына похоронить, лишь бы ты лишний раз не перенапряглась? — произнесла мать, и голос ее задрожал так, что по коже побежали мурашки.

Варе не хотелось доводить до подобного. Не хотелось скандалов, поэтому она без нареканий делала все, что мать просила, даже за счет собственных интересов. С рождением Славы Варя растеряла всех друзей, потому что не могла гулять и вместо этого нянчила младенца, а когда повзрослела, то стала еще дополнительно работать.

Но тогда у Славы был коррекционный детский сад, и целых семь часов она могла потратить на учебу, а когда возвращалась, родители уже были дома. Варя работала в ночную смену кассиром в продуктовом магазине и зарабатывала не самые большие деньги, но и они были весомы в семье, где все уходит на врачей, реабилитологов, таблетки и массажи. Там, в подсобке для персонала, она хотя бы на десять минут могла остаться одна — непозволительная роскошь в доме с маленьким ребенком.

Теперь Слава пошел в школу. К половине девятого Варя должна отвести его на занятия и уже через три часа забрать. Времени в сутках будто вдруг стало меньше.

Они молчали, глядя друг на друга, каждая со своими обвинениями в глазах. Отец никогда не встречал, предпочитая только успокаивать их после, причем мать и дочь по отдельности. А еще никогда и ни в чем не упрекал. В этом матери было чему у него поучиться.

Она звала Варю неблагодарной. Хотя сама была именно такой.

